

Роме. правда, 1985, 2 апр.

Правда волшебства

Исполняется 180 лет со дня рождения великого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена.

Родился он в эпоху наполеоновских войн в старинном датском городке Оденсе. Дед Андерсена был резчиком по дереву и в старости любил вырезать для окрестной детворы чудесные игрушки. Денег он, разумеется, за это не брал, и потому родители оденских ребятишек считали старика слабоумным.

А еще, конечно, в доме были сказки. И скоро Ханс стал их придумывать сам, ведь его друг, расклейщик афиш, мог подарить ему афишу с действующими лицами театрального представления, а попасть в настоящий городской театр на настоящую театральную сказку было «сказочно» дорого.

...В коробке оказалась коробочка другая. Сверху торчал какой-то колпачок, а сбоку высовывалась длинная зубчатая палочка.

— Нажми! — приказали сверху.

«...в цветке что-то щелкнуло, и он весь раскрылся — теперь стало ясно, что это настоящий тюльпан. В его чашечке, на зеленом пестике, сидела хорошенькая крошечная девочка ростом не больше дюйма».

Тут звякнули и загудели колокольчики — это я отступил и задел за ветку новогодней елки, и вдруг вдребезги разлетелся на полу желтый стеклянный шар. А с огромной елки посыпалась за воротник хвоя. Я заревел.

Сейчас мне уже не вспомнить — почему? То ли и впрямь испугался сорвавшейся с ветки стекляшки? Или потому, что даже маленькие дети знают: чудо хоть и игрушечное, но все-таки настоящее — бывает лишь раз: пластмассовый тюльпан закрылся, и маленькая девочка утонула в его скорлупе.

Мы вырастаем. Но вырастает вместе с человеком и ощущение чуда. И того, самого первого посвящения в сказку, и того, которое все отчетливей с годами маячит где-то впереди.

А Ханс Кристиан — не сказка, а сама наша жизнь — грустная, радостная, настоящая. И великий сказочник только прикидывается, что рассказывает небылицы. Он знает: зло нельзя победить злом, как нельзя попасть в сердце злу, потому что зло всегда бессердечно. Оно — осколки кривого зеркала. Того, что смастерил и разбил на миллиарды кусочков подземный тролль.

«...а эти осколки наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало... Осколки проникли прямо в сердце — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда».

Ну и из какого такого оружия прикажете стрелять в ледяное сердце мальчика Кая?.. «Зло — это болезнь!» Примерно так говорит нам Ханс Кристиан. И нужны не пушки, не нулаки, а теплые руки и верная душа любящей Герды.

Андерсен писал так, чтобы в детской сказке была еще одна — взрослая. Ведь взрослый — если, конечно, он не чересчур взрослый! — тоже заслуживает, чтобы ему было интересно читать. Наверное, великий датчанин так никогда и не стал «настоящим взрослым». Но он неплохо представлял, что серьезные мамы и папы, читая сказку, будут про себя спрашивать: а что, собственно, здесь имеется в виду?

...Ханс Кристиан улыбается и качает головой. Но не молчит!

«Народное предание живет в веках, в нем таятся сила, противостоящая власти времени».

Вот в этом-то, может быть, главная тайна Сказочника.

Его устами говорит не он сам, даже не литературная традиция современной ему словесности — говорит противостоящая времени вечность человеческого духа.

Разве нам есть дело до того, что, как утверждают некоторые уж совсем «завзрослевшие» дяди — не бывает русалок? Как это не бывает, когда была и есть андерсеновская «Русалочка»... Любовь человека должна была дать ей бессмертную душу. И, если внимательно читать сказку, спасенный Русалочкой принц все время вспоминает ее, то есть ту, которая была еще с рыбьим хвостом. Но ведь как раз за человеческую походку Русалочка и отдала свой дивный человеческий голос, и принц никогда не любит эту, хоть и несказанно хорошенькую, но безмолвную.

Это значит, что у Русалочки никогда не будет бессмертной человеческой души?

Нет, не значит. Потому что это «для детей» Русалочке триста лет еще обрести главное человеческое достоинство добрыми делами, и триста, а может, больше веков — укачивать наших малышей.

Ханс Кристиан прожил семь десятилетий XIX века. А человек XIX столетия попытался по-новому, с научной точки зрения взглянуть на свое прошлое и увидеть свое будущее. И недаром Сказочник был современником Гете, Пушкина, Герцена, Дарвина и Менделеева. Сказочник — он одновременно еще и очень мужественный ученый, исследовавший «на себе» вещую силу народной поэзии. Объектом его исследования была Сказка. Та самая, что еще в XVIII веке почиталась суеверием, невежеством. Но суеверием подчас сказывались иные наукообразные построения, а Поэзия и Сказка всегда остаются самими собой.

И не только в детстве они нужны человеку для роста.

Кто знает, сколько нам еще предстоит увидеть сбывшихся добрых прозрений и пророчеств Великого Датчанина? И сколько сказок грядущего тысячелетия еще заключены в непознанных недрах его Вечных Книг?

А мне, чем я становлюсь дальше от той новогодней елки, с которой и началась для меня сказка Ханса Кристиана, тем чаще кажется, что пузатый и пустой стеклянный шар сорвался с ветки по очень простой причине: увидел, что внутри пластмассового тюльпана живет не одна лишь темная пустота, — лопнул от зависти!

Но — честное сказочное! — я это не сам придумал. Мне, наверное, кто-то подсказал. Может быть, сказочник середины уже нашего века — Евгений Шварц, который воскресил-таки андерсеновского ученого из их — уже общей! — сказки «Тень», а может быть, — домовенок Кузька из сказки Татьяны Александровой?

А может, просто мои дети Саша и Катя? Потому что они — дети совсем обыкновенные, а каждый обыкновенный ребенок от двух и до пяти — великий выдумщик, сказочник и поэт.

Недаром Ханс Кристиан всю жизнь дружил крепче всего с детьми, и за это их не такое уж и маленькое человечество навсегда сохранит верность этой дружбе.